

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ

ГУСЕВ Владимир Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и экономической теории Московского государственного открытого университета.

Из центральных журналов, пожалуй только «Социс» в последние два года обращает серьезное внимание на вопросы, непосредственно связанные с консервативным мировоззрением, регулярно публикуя соответствующие материалы как классиков социологической мысли, так и современных отечественных авторов. Вместе с тем сложность и многогранность данной проблематики определяет ситуацию, в которой количество возникающих вопросов растет значительно быстрее количества формируемых ответов. Один из таких вопросов можно сформулировать следующим образом: в чем состоит сходство различных идеологий, которые принято называть консервативными, и в чем заключается специфика каждой из них.

Предпринимаемые в истории социально-политической мысли попытки идентификации и типологии консерватизма всякий раз наталкивались на чрезвычайно пестрый спектр консервативных идей и, соответственно, трудность их приведения к какому-либо общему знаменателю.

Действительно, если, например, обратить внимание на современное западное идеологическое пространство, то придется признать, что в нем существуют по крайней мере два влиятельных консервативных течения: неоконсерватизм и так называемая доктрина «консервативной революции» (новые правые). Эти направления резко противостоят друг другу буквально по всем важнейшим вопросам общественного бытия. Неоконсерваторы настаивают на самостоятельности экономической сферы общественной жизни и необходимости освобождения ее от государственного регулирования; новые правые, напротив, отводят экономике подчиненную роль по отношению к более высоким социальным сферам — религии, морали, политике, считая экономическую свободу не только утопичной, но и в ряде случаев — вредной. Неоконсерваторы рассматривают правовую систему как совокупность норм, призванных в идеале выразить универсальные, общечеловеческие, «лучшие» формы социальных взаимоотношений; новые правые придают юридическим установлениям принципиально национальный характер, считая, что они закрепляют особенности духа конкретного народа, и следовательно, не могут быть универсальными.

Основополагающее же расхождение между этими идейными направлениями заключается в том, что неоконсерваторы отстаивают идеалы капиталистического общества, такого, каким оно сложилось со времени первых буржуазных революций, а новые правые рассматривают капиталистический строй а качестве губительного пути западной цивилизации и, отрицая также и социализм, как гипертрофированное развитие буржуазных ценностей, обращаются за поисками своего идеала к Средневековью и даже антике, греко-римскому миру, язычеству. В соответствии со столь далекими друг от друга ценностными ориентациями неоконсерваторы и новые правые выбирают для себя в качестве своих теоретических предшественников разных представителей классического консерватизма, невольно расслаивая тем самым это, казалось бы, монолитное историческое явление. Отцом неоконсерватизма считается Э. Бёрк, а «консервативные революционеры» в большей степени симпатизируют французским консерваторам-классикам — Ж. де Местру, Л. де Бональду, Ф.Н. Шатобриану и другим.

В этой связи встает целый ряд вопросов. Правомерно ли называть консервативными обе упомянутые идеологии? Существуют ли примиряющие их мировоззренческие рамки? Что такое консерватизм в его наиболее общем понимании?

Возникающие трудности не поддаются легкому снятию. Дело, прежде всего, в том, что консерватизм, в отличие от противостоящего ему радикализма, всегда испытывал глубокое уважение к прошлому. Если радикализм, опираясь в первую очередь на веру во всемогущество человеческого рассудка и самоценность его умозаключений, весьма скептически

относился к истории, часто пытаясь представить ее в виде цепи недоразумений, вызванных недостаточно высоким уровнем интеллектуального развития предков, то консерватизм всегда отводил самое почетное место в своих построениях историческим урокам, опыту, традициям, отдавая дань мудрости и величию ушедших поколений. Между тем, прошлое — бесконечно разнообразно, и было бы странно ожидать, чтобы различные консервативные идеологии выбирали из него одни и те же ценности. Прав Е. Шацкий: «Разрыв политических рационалистов с историей был довольно-таки однозначным, тогда как ее консервативная апология однозначной отнюдь не была» [1, с. 231]. Причем эта неоднозначность настолько велика, что ряд исследователей полагают вообще невозможным идентифицировать консерватизм виде некоторой «общей формулы» [2, p. 17].

В этой связи сложилась достаточно влиятельная научная традиция рассматривать консерватизм, прежде всего, с психологической точки зрения — не в качестве идеологии, а скорее в качестве склада ума и характера, образа жизни, типа темперамента [3]. Следует признать, что такой подход по-своему интересен, заслуживает внимания и развития, поскольку, действительно, консерватором в какой-то степени нужно родиться. Чисто рассудочная деятельность не приводит к консервативному мировоззрению. Для его формирования необходима особая чувствительность по отношению к историческому прошлому. Однако, отрицание доктринального характера консерватизма удовлетворяет далеко не всех, поскольку, по мнению ряда исследователей, психологический консерватизм средних веков после Великой французской революции изменил качество, став идеологией, защищающей дореволюционные ценности [4]. Эта позиция, прочно увязанная с буржуазной революцией и с потерей аристократией своей исторической значимости, достаточно хорошо обрисовывает контуры классического консерватизма, но не способна полностью охватить позднейшие консервативные идеологии, порожденные другими историческими обстоятельствами и традициями.

Суммируя различные точки зрения, С. Хантингтон выделил три подхода к идентификации консерватизма: 1) «автономный» — когда консерватизм предстает психологической установкой, независимой от конкретных обстоятельств; 2) «ситуационный» — когда консерватизм рассматривается в качестве идеологии, противодействующей опасности свержения любого существующего строя; 3) «аристократический» — когда речь идет о реакции на буржуазную революцию [5, с. 454—473].

Второй пункт этой классификации потребовал уточнений, поскольку консервативные идеологии не сводятся к защите существующего или защищают его в разной степени. Так, Бёрк ничего не имел против перемен, если они соблюдают принцип осторожности, а новые правые — вовсе отрицают существующий западный общественный строй. Уточнение внес К. Эпштайн, выделив среди консерваторов помимо «сторонников статус-кво» еще две категории: «реформаторов» — признающих необходимость осторожных перемен, и «реакционеров» — ратующих за возврат в тот или иной момент исторического прошлого [6, p. 7].

Однако вполне правомерное разделение консервативной мысли на основании ее отношения к существующему порядку вещей, не приводит к обнаружению факторов, не разъединяющих, а напротив, объединяющих перечисленные направления. Поиск таких факторов шел по пути выявления общих для всех консерваторов методологических принципов и политических ценностей.

Пожалуй, наибольшее количество этих принципов и ценностей обнаруживается в уже упомянутой работе С. Хантингтона. Но и его перечень может быть существенно дополнен и расширен посредством внимательного анализа хотя бы такого классического консервативного труда, как «Размышления о французской революции» Э. Бёрка [7, 8]. Представляется, что список содержащихся в нем консервативных ценностей и антиценностей может принять следующий вид.

Ценности религиозные и духовные цели политической деятельности; культ нравственности, авторитет школы, семьи и церкви; культ традиций, национальной культуры, патриотизм; приоритет интересов государства перед интересами индивида; сильное иерархичное государство; конкретно-историческая обусловленность уровня прав и свобод; прагматизм, здравый смысл, постепенность и осторожность перемен.

Антиценности. атеизм, материалистическая ориентация политики; моральный релятивизм; культ рассудка, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм; приоритет интересов индивида перед интересами государства, индивидуализм, равенство; культ личных прав и свобод; приверженность теоретическим моделям, культ перемен, революция.

Тем не менее, изложенные выше замечания исследователей консервативной мысли и приведенная выше «выжимка» из мировоззрения Э. Бёрка не порождают полной удовлет-

воренности. Во-первых, выделенных характеристик слишком много, чтобы успешно пользоваться ими в процессе приложения к конкретным консервативным идеологиям, не сталкиваясь всякий раз с теми или иными исключениями; во-вторых и это главное, не обнаруживается центрального системообразующего принципа, на который можно было бы опереться в первую очередь для осмысления иерархии консервативных ценностей.

В этом плане опорной точкой дальнейшего исследования должно стать очевидно» утверждение, что консерватизм, бесспорно, отличается от всех других политически; идеологий наиболее пристальным вниманием к общественному наследию и стремится опереться на ту или иную историческую традицию, как на фундамент своих теоретических построений. Большую помощь здесь оказывает концепция Шацкого, который именно «традиционность», почтение к традиции рассматривает как исходную клеточку, из которой вырастают идеологи, испытывающие особую симпатию к прошлому.

В кратком виде суть его рассуждений, которые можно применить для выяснения главных принципов консервативного типа мышления, состоит в следующем. В результате подробного анализа Шацкий определяет традицию как «те образы ощущений, мышления и поведения, которые ввиду их действительной или мнимой принадлежности к общественному наследию группы оцениваются ее членами положительно или отрицательно» [1, с. 368]. Чтобы не затемнить главный вопрос, следует пренебречь некоторыми тонкостями этого строгого определения и ограничиться пониманием традиции как положительно оцениваемой части исторического наследия.

Различая способы следования традиции, Шацкий выделяет два вида «традиционализма» — «примитивный» и «идеологический». Первый вид характерен для «примитивных» или «традиционных» обществ и отличается отсутствием рефлексии, рационального осмысления традиции. Критика традиции здесь невозможна, поскольку традиция безальтернативна, вечна и неизменна. Традиция вбирает всю культуру такого общества без остатка, не позволяя ей расчлняться на относительно самостоятельные сферы. «Идеологический» же традиционализм появляется тогда, когда традиционному положению дел приходит конец, традиции и освященный ими социальный порядок оказываются под угрозой и требуют защиты. Тогда и создаются специальные идеологии, как системы аргументов в пользу традиций, обосновывающие необходимость их сохранения или восстановления, дающие разную оценку разным традициям.

Главными отличительными принципами идеологии традиционализма Шацкий считает «антирационализм» и «антииндивидуализм» в том смысле, что традиционализм «исключает возможность исповедования социальной философии, компонентами которой были бы рационализм и индивидуализм. Традиционализм как доктрина всегда возникал в виде реакции на процесс рационализации и индивидуализации общественной жизни» [Там же, с. 401].

Неразрывность традиционализма и антирационализма Шацкий обосновывает тем обстоятельством, что «любая попытка представить ее (традицию — В.Г.) в виде рационалистических принципов обречена на неудачу: можно сделать традицию предметом рефлексии, но нельзя заменить ее рефлексией. Она есть то, что она есть, пока она переживается; осмысливается она лишь время от времени», и не должно вводить в заблуждение то, что «традиционалисты... часто стараются так изложить свои взгляды, чтобы они не отпугивали воспитанные на рационалистической модели умы членов общества». Точно также и антииндивидуализм оказывается естественным следствием традиционализма, поскольку последний видит главный оплот общества в факторах, «не имеющих индивидуального автора» — «навыках, опыте, обычаях» [Там же, с. 402].

Оценивая приведённый подход как исключительно плодотворный, приходится, тем не менее, признать, что он нуждается в некоторых уточнениях и дополнительной аргументации. Шацкий рассматривает консерватизм как частный случай традиционализма, выделяя в последнем еще одну форму — «архаизм». Под архаизмом он понимает ориентацию на восстановление каких-либо элементов прошлого, уже не существующих в настоящем (то, что Эпштайн назвал «реакционностью») и отличает его от традиционализма как консерватизма, направленного на сохранение существующих отношений [Там же, с. 390].

Думается, что такая позиция все же не отвечает сложившейся терминологии. Выше отмечалось, что консерватизм не сводится к защите статус-кво. Поэтому в данном случае предпочтительнее принять формулировку К. Маннгейма, который считает, что консерватизм представляет собой традиционализм, сделавший «сознательным» [4, р. 95], или, по терминологии Шацкого, превратившийся из «примитивного» в «идеологический». Тем самым откроется возможность разгрузить название «примитивный традиционализм», огра-

ничившись просто «традиционализмом», что приведет его в соответствие с названиями тех обществ, к которым он имеет непосредственное отношение. Их чаще всего называют «традиционными», «традициональными», «традиционалистскими», хотя иногда используются и другие термины — «патриархальные», «сакральные», «дописьменные» общества.

Иными словами, традиционализм, предстанет как автоматическое, нерелективирующее, подсознательное следование традиции, а консерватизм — как осознанное, осмысленное.

Важно подчеркнуть, что и в такой формулировке остается в силе идея Шацкого о неразрывности консерватизма (традиционализма) с антииндивидуализмом и антирационализмом. Если принять наиболее общее определение индивидуализма, как «отрицания всякого принципа, превышающего уровень человеческой индивидуальности» (Р. Генон), то не может вызвать сомнений его неотделимость от рационализма, как культа рассудка, поскольку индивидуализм обязан отрицать всякое знание, недоступное человеческому рассудку. В свою очередь такое понимание индивидуализма и его связи с рационализмом устраняет всякие вопросы по поводу их несовместимости с принципом следования традиции (хотя бы и осмысленным следованием). Индивидуального рассудка явно недостаточно для восприятия традиции, его хватает только на ее отрицание.

ны или по крайней мере, всегда содержат в себе иррациональный остаток, неподвластный рассудочному пониманию. Принятие традиции — акт, прежде всего, подсознательный, детерминирующийся множеством факторов, связанных с особенностями человеческих судеб. Человека, привязанного к традиции, живущего в ней глубоким концентрированным чувством, невозможно поколебать какими-либо рациональными аргументами, как бессмысленно пытаться аналогичным образом привлечь его внимание к иной традиции. Рассудочные суждения могут эффективно воздействовать на человека только тогда, когда его связь с традицией либо слаба, либо вовсе отсутствует.

Таким образом, принцип следования традиции, находящийся на вершине иерархии принципов консервативного типа мышления, непосредственно определяет и два других неотъемлемых его принципа, занимающие в этой иерархии вторую сверху ступень — антииндивидуализм и антирационализм.

Другие основные принципы и ценности консерватизма не достигают такой степени общности и каждый из них может либо вовсе отсутствовать в теле конкретной консервативной идеологии, либо заменяться своими суррогатами. Но это, как правило, выступает следствием неполноты идеологии, недостоенности ее до логического завершения или эклектичным сочетанием в ней инородных элементов, поскольку важнейшие принципы консерватизма органически связаны воедино.

Обратимся, прежде всего, к принципу основополагающей, консолидирующей роли религии в общественной жизни, столь характерному для мировоззрения консерваторов. Можно показать, что и он оказывается неотделимым от принципа следования традиции. Удобнее всего это сделать, оперевшись на концепцию В. Соловьева о рождении религиозного чувства в человеке. Согласно ей, это чувство впервые появляется у ребенка по отношению к родителям, от которых полностью зависит его существование и которых он, ставя неизмеримо выше себя, обожествляет (по крайней мере в первые годы своей жизни). «Не в виде случайных фетишей... и не в виде ... грозных явлений природы, а в живом образе родителей впервые воплощается для младенствующего человека идея Божества» [9, с. 174]. С течением времени эта идея переносится на уже ушедших предков, принимая наиболее концентрированное выражение в отношении самого далекого предка — праотца, владеющего знанием смысла существования начатого им рода, воля которого должна быть познана и исполнена. «Естественным историческим ростом образуются боги общинные, племенные, народные, пока, наконец, религиозное сознание... не достигает идеи всеобщего Отца небесного...» [Там же, с. 178].

Но чем является любовь к предкам, почитание их воли, как источника смысла своего существования, если не слитностью со своей традицией, стремлением глубже вжиться в нее и продолжить? То есть следование традиции порождает религию, а укрепление религиозного чувства укрепляет и традицию. Не случайно революции, стремящиеся разрушить старое, спаянное традицией общество, как показывает исторический опыт, самый мощный удар наносят по религии и церкви. Поэтому нет ничего удивительного, что в классическом консерватизме столь много внимания уделяется религиозным вопросам, их связующей социальной силе. В тех же случаях, когда надежды на уровень общественной религиозности оказываются слабыми, консерваторы ищут ей какой-либо удовлетворительный заместитель, способный возбудить в народе всеобщее сильное чувство, напоминающее веру, как это

предлагает, скажем, представитель современного немецкого консерватизма Рормозер по отношению к идее национального самоутверждения [10, с. 90].

Очевидно, что из принципа следования традиции непосредственно вытекает и характерный для консерватизма культ, семьи, школы армии, церкви, ряда других общественных институтов, напрямую выступающих воспитателями и проводниками традиции.

Совершенно естественен и патриотизм, как ценность и принцип консервативной идеологии и политики. Полнокровная жизнь и гарантии продолжения традиции наиболее полно осуществляются в рамках национальной культуры — и поэтому ее интересы становятся в политическом смысле первостепенными, нуждающимися в надежной защите.

Такой защитой, в первую очередь, выступает государство, Следовательно, характерная для консерваторов установка на сильное государство с мощным оборонительным потенциалом также в конечном итоге определяется принципом следования традиции.

Сильное государство, воспринимаемое как ценность, подразумевает стремление к минимизации социальных перемен, а в случае их абсолютной необходимости требует чрезвычайной осторожности и постепенности. Отсюда и отрицание резких скачков и революционных переворотов.

Первичность интересов традиции и защищающего ее государства определяют вполне конкретное отношение к правам и свободам граждан. Их расширение возможно только в том случае, когда это не сказывается отрицательным образом на высших интересах.

Наконец, следование традиции имеет в виду и естественное неравенство людей. Большое значение приобретают те слои народа, которые глубже укоренены в традиции и обеспечивают ее продолжение. Подобное неравенство, с консервативной точки зрения, не унижительно, как не унижительно для ребенка его неравенство с родителями, обучающими его традиции, как не унижительно для живущих поклонение ушедшим поколениям, благодаря которым осталось традиционное наследство, как не унижительно для верующего мирянина неравенство со священником.

Так возникает иерархическая система принципов и ценностей, которые обнаруживаются в развернутых консервативных идеологиях, и в частности, при анализе творчества Бёрка. Так образуется единый клубок консервативных идей, связующим центром которого выступает принцип следования традиции и его важнейшие следствия — антииндивидуализм и антирационализм.

Посмотрим, соответствуют ли этой системе принципов упомянутые идеологии неоконсерватизма и консервативной революции.

Что касается последней концепции, то сомнение может вызывать ее название, на первый взгляд противоречащее принципу постепенности перемен и антиреволюционности. Термин «революция» действительно в этом контексте выглядит неудачным. Однако, новые правые понимают его не как насильственное свержение существующего строя и внешнее (не подготовленное изнутри) навязывание своих идеалов и ценностей. Их цель — совершить революцию в умах, изменить европейское общественное сознание, открыть новые (хорошо забытые старые) духовные горизонты, то есть добиться внутреннего принятия своих идеалов и ценностей, что только и может обеспечить плодотворное социально-политическое творчество. Поэтому главный фронт их деятельности — культура, а не политическая арена. В такой ситуации их стремление к возвращению в прошлое носит не механико-натуралистический характер, а идеально-выборочный. Из истории выбираются идеалы с целью их актуализации в настоящем.

В отношении неоконсерватизма может смущать то обстоятельство, что в основе формы капиталистического общества, которую они отстаивают, лежит принцип экономического индивидуального интереса — то есть определенный вид индивидуализма, а также культ науки и техники — то есть определенная форма рационализма. Это верно. Но представляется, что основные принципы консервативного мышления в неоконсерватизме все же не нарушаются, ибо рационализм и индивидуализм на современном Западе уже получили статус традиции. Эти основы капиталистического общества приобрели форму, во многом сакральную, несокрушимую логической критикой. Они стали символами иррациональной веры, что выражается в обожествлении прав индивида, демократии, свободного рынка, научного метода, технической мощи, роста потребления и расширения его возможностей. С этих позиций индивидуализмом выглядит вовсе не следование нормам жизни капиталистического общества, которые приобрели всеобщий характер, а напротив, отход от них, протест, выраженный, скажем, в форме культурного эпатажа, религиозной отрешенности или простой минимизации своих потребностей, отсутствия стремления к материальным благам. Рационализм предстает не в виде веры во всемогущество рассудка, а

предлагает, скажем, представитель скорее как «заумные» попытки ее логического ниспровержения, попытки обоснования ограниченности науки и ее служебной роли по отношению к более высоким сферам общественной жизни. На стороне рационализма и индивидуализма на Западе уже стоит авторитет давности. Построенная на этих принципах цивилизации насчитывает не менее двухсот лет. Если в начале XIX века принцип экономического индивидуализма был новаторским и не мог претендовать на традиционность, знаменуя собой доктрину классического либерализма, то к середине XX века он изменил свое качество и получил возможность стать составной частью концепции, название которой накрепко связано с консерватизмом.

В свое время М. Вебер убедительно показал, что современный капитализм уходит своими корнями в протестантизм, в Реформацию. Следовательно, рассматриваемая традиция имеет и определенную степень религиозной освященности. Демократия в ее современном западном виде относительно молода, но и она стала достаточно традиционным типом управления. Еще в XIX веке Токвиль писал о «традиционно демократических народах», для которых эта политическая форма столь дорога, что они «перенесут нищету, угнетение, варварство, но не перенесут аристократии» [11, с. 410].

Если согласиться с приведенными выше аргументами, то придется признать, что нет никаких оснований отказывать неоконсерватизму в консервативном статусе. При этом, однако, важно подчеркнуть, что традиция, которую отстаивают неоконсерваторы, не является единственной даже в рамках западной культуры, хотя и самой, пожалуй, молодой. Кроме нее, Европа обладает феодально-аристократической и католической традициями, на базе которых строился классический (и прежде всего французский консерватизм), а также античными и языческими традициями, увлекающими новых правых.

На примере сравнения неоконсерватизма и идеологии «консервативной революции» очень хорошо видно, что консервативные направления мысли, оставаясь едиными в признании традиции как принципа, резко расходятся в момент выбора конкретной традиции, вплоть до полного противостояния. Выбор традиции определяет их разногласия по всем частным вопросам — общеконсервативные ценности, сохраняя свою внешнюю оболочку, наполняются разным содержанием.

Так, одинаково чтимая всеми консерваторами школа, как инструмент передачи традиции, в различных системах наделяется разными главными функциями — становится в первую очередь источником рационального знания, либо духовного воспитания. Семья может быть ориентирована как на накопление материальных ценностей, так и на воспитание патриотизма в новом поколении. Принцип неравенства для консерваторов различных эпох и направлений также неоднозначен. Он может детерминироваться приобщенностью к религиозному культу или воинской доблестью, уровнем материального богатства или степенью образованности, происхождением или личными добродетелями.

Ясно, что если даже в рамках достаточно однородной западноевропейской культуры существуют столь несходные между собой консервативные идеологии, как неоконсерватизм и «консервативная революция», то консервативные построения, возникающие в рамках принципиально разных культур (скажем, европейской, русской, китайской, индийской, арабской и т.д.), просто обречены на самые глубокие расхождения. Очень точно заметил К. Леонтьев: «...охранение у всякой нации своё, у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один...» [12, с. 171]. Поэтому ощутимо проявляющее себя в последние годы стремление ряда идеологов признать отдельным составляющим западной неоконсервативной традиции общечеловеческое и непререкаемое значение, что характерно для концепции «мондиализма» («глобализма», «всемирности»), выраженной, скажем в работе Ф. Фукуямы «Конец истории?», носит уже явно антиконсервативный характер, поскольку, не уважая традиции других стран и народов, подрывает сам принцип традиции. По этой же причине никак нельзя назвать консерваторами и отечественных приверженцев идеологии западного неоконсерватизма.

Россия — особый культурный мир. От Запада ее отличает характер тысячелетия господствовавшей религии, особый исторический путь развития, природные условия, наконец. Все это сформировало принципиально другие традиции. Русский консерватизм не может не иметь глубоких, сущностных отличий от консерватизма западноевропейского. Впрочем, особенности и пути русского консерватизма — это уже отдельная и большая тема для обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.
2. Klemperer K. von. Germany's New Conservatism. New Jersey, 1957.
3. Kirk R. The Conservative Mind. From Burke to Santayna. Chicago, 1953.
4. Mannheim C. Essay on Sociology and Social Psychology. N.Y. 1953.
5. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology //The American Political Science Review. 1957. Vol. LI.
6. Epstein K. The Genesis of German Conservatism. Princeton, New Jersey, 1966.
7. Берк Э. Размышления о французской революции // Политические институты и обновление общества. М., 1983.
8. Burke E. Reflections on the Revolution in France. N.Y. 1953.
9. Соловьев В.С. Сочинения. В 2-х томах. М., 1990. Т. 1.

10. Френкин А.И. Феномен неоконсерватизма // Вопросы философии. 1991. № 5.
11. Токвиля А. О демократии в Америке. М, 1897.
12. Леонтьев К. Избранное. М., 1993.